

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-487-497

Научная статья / Research article

Позиция Германии по греко-турецкому спору: интерговернментализм vs. неофункционализм

Н.В. Ивкина

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 ivkina-nv@rudn.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению позиции Германии по греко-турецкому спору в Эгейском море сквозь призму двух теорий: интерговернментализма и неофункционализма. Актуальность темы исследования обусловлена постоянно возникающими противоречиями между Турцией и Грецией в Восточном Средиземноморье, а также необходимостью вмешательства в данный спор третьих сторон. В качестве предмета исследования выбрана немецкая позиция, что объясняется стремлением страны стать медиатором в решении данного конфликта. Кроме того, в европейской историографии, посвященной интеграционным вопросам, не утихают споры относительно того, чем руководствуются страны при принятии внешнеполитических решений: общеевропейским набором норм, принципов и ценностей или собственными национальными интересами. Целью исследования является выявление принципов, которым следует Германия в процессе определения политического вектора внешней политики на примере спора между Турцией и Грецией в Эгейском море и соотнесение их с теорией интерговернментализма и неофункционализма. В качестве методов исследования выбраны сравнительно-сопоставительный анализ для соотношения постулатов выбранных теорий с практическими шагами Германии по урегулированию спора между Турцией и Грецией, а также институциональный метод, позволяющий определить роль и место государства в системе принятия общеевропейских решений. Результаты исследования представлены в виде соотношения основных критериев теории интерговернментализма и функционализма с выявленными практическими шагами Германии по урегулированию спора между Турцией и Грецией в Восточном Средиземноморье. В заключении определена приверженность Германии одной из двух теорий по каждому из выбранных критериев.

Ключевые слова: теория интерговернментализма, теория неофункционализма, греко-турецкий спор в Эгейском море, Германия, национальные интересы, Европейский совет, ЕС

Для цитирования: Ивкина Н.В. Позиция Германии по греко-турецкому спору: интерговернментализм vs. неофункционализм // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 487—497. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-487-497

Germany's Position on the Greek-Turkish Dispute: Intergovernmental Theory vs. Neofunctionalism

Natalia V. Ivkina

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 ivkina-nv@rudn.ru

Abstract. The article identifies Germany's position on the Greek-Turkish dispute in the Aegean Sea from the point of the intergovernmentalist and neofunctionalist theories. The relevance of the research topic is due to the constantly emerging contradictions between Turkey and Greece in the Eastern Mediterranean, as well as the need for the third parties to intervene in this dispute. The subject of the study is the German position, which is explained

© Ивкина Н.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

by the desire of the country to become a mediator. In addition, in European historiography on the integration there is an ongoing debate as to whether countries are guided in their foreign policy decisions by a common European set of norms, principles and values, or still by their own national interests. The aim of the study is to identify the principles that Germany follows in determining the political vector of its foreign policy, using the example of the dispute between Turkey and Greece in the Aegean Sea, and correlate them with the theories of intergovernmentalism and neofunctionalism. The research methods are comparative analysis for defining the correlation of the postulates and selected theories with the practical steps taken by Germany to resolve the Greek-Turkish dispute, as well as the institutional method, which allows determining the role and place of the state in the system of pan-European decision-making. The results of the study are presented in the form of a correlation of the main criteria of the theories of intergovernmentalism and neofunctionalism with the identified practical steps of Germany to resolve the dispute between Turkey and Greece in the Eastern Mediterranean. The conclusion identifies Germany's commitment to one of the two theories for each of the selected criteria.

Key words: theory of intergovernmentalism, theory of neofunctionalism, Greek-Turkish dispute in the Aegean Sea, Germany, national interests, European Council, EU

For citation: Ivkina, N. V. (2021). Germany's Position on the Greek-Turkish Dispute: Intergovernmental Theory vs. Neofunctionalism. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(3), 487—497. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-487-497>

Введение

На сегодняшний день в мире сохраняется значительное количество нерешенных конфликтов, создающих напряженность в отношениях между странами. Одним из таких конфликтов является греко-турецкий спор по акватории, воздушному пространству и природным ресурсам Эгейского моря. Проблема встала на повестку дня еще 50-х гг. XX в., неоднократно приводя стороны на грань военного конфликта. Большинство экспертов сходятся во мнении, что рассматривать данный спор между Турцией и Грецией необходимо с точки зрения противоречий в контексте континентального шельфа, территориальных вод, воздушного пространства, демилитаризованного статуса восточных Эгейских островов,

островков и скал (Avar & Lin, 2019, p. 58), а также в контексте недавно разведанных природных ресурсов.

Все эти вопросы имеют как юридический, так и политический подтекст. Турция больше склонна к политическому решению на двусторонней основе. В свою очередь, Греция в 1978 г. обращалась в Международный Суд ООН, однако проблемы это не решило в силу того, что Турция не признала легитимность судебного разбирательства. Сам Международный Суд ООН отказался брать на себя ответственность за разрешение конфликта. Позиции сторон относительно шельфа, вод и воздушного пространства были противоположны еще до постановки на повестку дня энергетического вопроса (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ позиций Турции и Греции по ключевым пунктам спора в Эгейском море

Проблемный вопрос	Позиция Турции	Позиция Греции
Континентальный шельф	1. Несогласие с тем, что геологически острова Восточно-Эгейского и Турецкого побережья являются неотъемлемой частью и продолжением п-ова Малая Азия (Анатолия). 2. Отказ от принципа равноудаленности. 3. Соглашение о делимитации. 4. Достижение равноправного результата при использовании континентального шельфа обоими государствами	1. При отсутствии соглашения между соседними странами спор должен быть урегулирован по средней линии, проходящей между греческими островами Восточно-Эгейского и Турецкого побережья. 2. Греческие острова геологически являются продолжением п-ова Малая Азия
Территориальные воды	Выступает за сохранение границы территориальных вод обоих государств в пределах 6 морских миль (обладая 6 милями, Греция контролирует почти половину Эгейского моря, 43,68 %, по данным Турции, при этом Турция получает только 7,5 %, оставляя открытым морем около 49 %)	1. Претендует на 12-мильные территориальные воды (не хочет консультироваться по этому вопросу с Турцией, ссылаясь на Конвенцию о морском праве). 2. Право на расширение территориальных вод не может быть ограничено какими-либо особыми обстоятельствами

Окончание табл. 1

Проблемный вопрос	Позиция Турции	Позиция Греции
Воздушное пространство	Недопущение расширения воздушного пространства Греции, чтобы предотвратить усиление ее влияния в Эгейском море в целом	Претензии на 10 миль воздушного пространства, что обусловлено не только необходимостью аэронавигации и воздушного полицейского контроля над территориальными водами Греции, но и тем, что Турция не возражала против данного положения (эстоппель)
Демилитаризованный статус восточных Эгейских островов	1. Против милитаризации греческих островов Лемнос и Самофракия, ибо и Турция, и Греция являются членами НАТО, следовательно, данный регион не требует избыточного вооружения с целью усиления национальной безопасности. 2. Демилитаризация 14 греческих островов Додеканеса обязательна, так как они находятся в непосредственной близости к Турции, что угрожает ее национальной безопасности	1. За милитаризацию островов Лемнос и Самофракия, так как Конвенция Монтрё 1936 г. заменила Лозаннскую конвенцию 1923 г. 2. Милитаризация островов Лесбос, Хиос, Самос и Икарция (Никария) необходима по нескольким причинам: — «вторжение» Турции и продолжающаяся «оккупация» Кипра; — casus belli (то есть «турецкая военная угроза»), нависший над Эгейским морем; — формирование 4-й турецкой армии, базирующейся в Измире; — присутствие в данном регионе большой флотилии турецких десантных судов

Источник: составлено автором по материалам: (Heraclides, 2010; Gonenc & Durmaz, 2020; Yildiz, 2020).

Table 1

Comparative analysis of the positions of Turkey and Greece on the key points of the dispute in the Aegean Sea

Issue	Position of Turkey	Position of Greece
The continental shelf	1. Objection to the islands being an extension of Anatolia. 2. Rejection of the principle of equidistance. 3. The delimitation agreement. 4. The achievement of an equal result in the use of the continental shelf by both States	1. In the absence of an agreement between the neighboring countries, the dispute should be settled along the middle line between the Greek islands of the East Aegean and the Turkish coast. 2. The Greek islands are a direct extension of Anatolia
Territorial waters	Maintaining a limit of 6 miles of territorial waters (having 6 miles, Greece controls almost half of the Aegean Sea, 43.68 % according to the Turkey information, while Turkey receives only 7.5 %, leaving the open sea-about 49 %)	1. Claims a limit of 12 miles of territorial waters (does not want to consult with Turkey on this issue, referring to the Convention on the Law of the Sea). 2. The right to an extension cannot be qualified by special circumstances limiting this right
National airspace	Preventing Greek expansion in the airspace, in order to prevent the strengthening of Greek influence in the Aegean Sea as a whole	Claims for 10 miles of airspace, which is not only due to the need for air navigation and air police control over Greek territorial waters, but also because Turkey did not object to this provision (estoppel)
Demilitarized status of the eastern Aegean islands	1. Against the militarization of the Greek islands of Lemnos and Samothrace, since both Turkey and Greece are members of NATO, therefore, this region does not require excessive weapons in order to strengthen national security. 2. The demilitarization of the 14 Greek Dodecanese islands is mandatory, as they are too close to Turkey, which threatens its national security	1. Support for the militarization of the islands of Lemnos and Samothrace, since the Montreux Convention of 1936 replaced the Lausanne Convention of 1923. 2. The militarization of the islands of Lesbos, Chios, Samos and Ikaria (Ikaria) is necessary for several reasons: — Turkey's "incursions" and the ongoing "occupation" of Cyprus; — casus belli (i.e. "Turkish military threat") looming over the Aegean Sea; — formation 4th Turkish Army based in Izmir; — presence in this region has a large flotilla of Turkish landing crafts

Source: compiled by the author based on the materials of the articles (Heraclides, 2010; Gonenc & Durmaz, 2020; Yildiz, 2020).

Конфликт усложняется еще и тем, что обе страны состоят в Организации Североатлантического договора (НАТО), которая не приветствует двусторонние конфликты между странами-членами, а следовательно, избежать участия третьих сторон в решении проблемы невозможно. Греция и Турция давно провоцируют конфликтные ситуации внутри Альянса, несколько раз доводя его до призывов к роспуску в связи с кипрским вопросом (Karlan, 1994, p. 80). По мнению экспертов Фонда Карнеги, НАТО не удастся помочь сторонам достичь консенсуса из-за нежелания отойти от основной цели создания организации — защиты стран от внешних угроз, и переходить к разрешению двусторонних проблем¹.

В связи с этим актуальным является рассмотрение усилий отдельных стран, заинтересованных в решении этой проблемы. Среди наиболее активных третьих сторон особого внимания заслуживают позиции Франции и Германии, которых с Грецией помимо НАТО связывают интеграционные процессы в рамках Европейского союза (ЕС), а Турция давно является кандидатом на вступление в организацию.

При этом если Францию можно считать определившейся — она активно поддерживает Грецию в этом вопросе, то позиция Германии менее однозначна. Это связано, прежде всего, с тем, что Франция и Греция имеют общие интересы в Средиземном море, регулярно проводя совместные военные учения, особенно в те моменты, когда в регионе наблюдается турецкая активность². Президент Франции Эммануэль Макрон регулярно призывает ЕС заступиться за Грецию как страну — члена организации и даже прекратить любые партнерские отношения с Турцией³.

¹ Dempsey J. Judy Asks: Is NATO Paralyzed Over the Greece-Turkey Conflict? // Carnegie Europe. September 3, 2020. URL: <https://carnegieeurope.eu/strategieurope/82643> (accessed: 17.04.2021).

² France joins Greece's naval exercises amid Turkey row // Deutsche Welle. August 26, 2020. URL: <https://www.dw.com/en/france-joins-greeces-naval-exercises-amid-turkey-row/a-54700105> (accessed: 17.04.2021).

³ Pourquoi la Grèce et la Turquie s'affrontent en Méditerranée orientale // Le Monde. Septembre 14, 2020.

На фоне этого взгляд Германии значительно более расплывчатый и неконкретный. На официальном уровне немецкая сторона призывает стороны ограничиться дипломатическими мерами по урегулированию спора и отказаться от действий с позиции силы.

Теоретическая база исследования

Теоретической базой исследования являются две теории — неофункционализм и интерговернментализм. В основе обеих лежат постулаты европейской интеграции, которые в XXI в. играют определяющую роль в позициях стран, входящих в ЕС. Теоретический выбор объясняется тем, что актуальным остается вопрос относительно наднациональных и межправительственных перспектив интеграции и, как следствие, их репликации на процесс принятия внешнеполитических решений европейскими странами. При этом за основу взят принцип, который предлагает рассматривать различные точки зрения не как конкурирующие теории (Hooghe & Marks, 2009, p. 3), изучив постулаты которых в финале делается выбор в пользу одной из них (Beach & Pedersen, 2019, pp. 55—57), а как набор эмпирических утверждений, лежащих в основе принятия решений в пользу того или иного разрешения проблемы. Таким образом, цель исследования состоит в том, чтобы с помощью теоретических постулатов определить принципы, которыми руководствуется Германия в процессе определения политического вектора внешней политики на примере спора между Турцией и Грецией в Эгейском море.

Появление неофункционализма как самостоятельной теоретической концепции связано с первыми попытками евроинтеграции в 60-х гг. XX в. Автором идеи стал Э. Хаас, который, опираясь на позицию еврофедералистов, взялся утверждать, что любая форма интеграции намного лучше и надежнее для Европы, чем продолжение восстановления национальных государств после Второй

URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2020/09/14/pourquoi-la-grece-et-la-turquie-s-affrontent-emediterranee-orientale_6052162_3210.html (accessed: 17.04.2021).

мировой войны (Haas, 1961, p. 378). Неофункционализм призван объяснить «экспансивную логику интеграции секторов», в соответствии с которой интеграция одного сектора приводит к «техническому» давлению, которое, в свою очередь, подталкивает государства-члены к интеграции других секторов (Haas, 1968, p. 72).

Учитывая уже известные этапы построения европейской интеграции, можно предположить, что авторы концепции рассчитывали на углубление интеграционных процессов от экономических вопросов к политике и сфере безопасности. Этот процесс характеризует основное понятие неофункционализма — «эффект перетекания», или «побочный эффект» (*spillover effect*).

В классических работах неофункционалистов выделено три основных «побочных эффекта»: функциональный, политический и культивируемый (Tranholm-Mikkelsen, 1991, p. 17).

Функциональный «побочный эффект» предполагает постоянное движение в сторону установления взаимозависимости между отдельными секторами (политика, экономика, культура) и отказа от изоляции отдельных проблемных вопросов друг от друга. Таким образом, процесс интеграции становится определяющим, и страны уже не могут отказаться от взаимодействия друг с другом в контексте вопросов, возникающих между ними, или относительно проблем, которые приходится решать вне региона.

Политический «побочный эффект» проистекает из понимания политическими элитами европейских стран, что современные проблемы не могут быть решены на национальном уровне и требуют коллективного решения. Оправдание этого эффекта — создание большого количества рабочих групп внутри ЕС (Lindberg, 1963, p. 32), что приводит к регулярным контактам между представителями различных государственных ведомств европейских стран и, как следствие, повышению уровня доверия между ними.

И наконец, *культивируемый «побочный эффект»* призван гарантировать, что созданные наднациональные органы будут заинтересованы в постоянном углублении интеграции,

что в результате пойдет на пользу всем государствам, участвующим в этом процессе (Lindberg, 1963, p. 43). Именно этот критерий формирует базовые принципы интеграционных процессов (Riddervold & Rosén, 2016, p. 688).

Все эти позиции призваны оправдать необходимость европейской интеграции и показать странам выгоды от их участия в процессе построения взаимозависимости друг от друга. Фактически неофункционализм стирает грань между национальным интересом и интересом интеграционной организации.

В качестве критики такого подхода к интеграции выступила теория интерговернментализма. Ключевой вопрос, который ставит на повестку дня эта теория, звучит так: «Кто руководит европейской интеграцией?» (Schmidt, 2019). Выбор предполагает либо самостоятельные наднациональные органы (такие как Европейский Совет, Еврокомиссия и Европарламент), либо национальные государства, которые имеют своих представителей в каждой из вышеуказанных структур. Представители интерговернментализма склоняются к тому, что достичь того уровня интеграции, на который рассчитывали неофункционалисты, до сих пор не удалось и решения в условиях функционирования ЕС по-прежнему принимаются с учетом интересов отдельных национальных государств.

По мнению одного из основоположников интерговернментализма Э. Моравчика, институциональные субъекты, действующие в рамках наднациональных организаций, играют в лучшем случае незначительную, посредническую роль. Сами же государства-члены формируют и направляют курс политики ЕС, что и объясняет умеренную скорость европейской интеграции (Moravcsik, 2018). Существует мнение, что именно интерговернментализм является основным двигателем интеграционного развития в силу того, что он близок понятию наднационализм (Пименова, 2019, с. 78).

Также главы государств и правительств играют основополагающую роль в принятии решений, руководствуясь не общим курсом, а вопросами, которые сами ставят на повестку

дня (Middelaar, 2019, p. 138). Сравнительный анализ по классическим постулатам каждой из выбранных теорий выглядит следующим образом (табл. 2). Он будет необходим для дальнейшего сопоставления выбранных критериев с реальными шагами Германии по разрешению греко-турецкого спора.

Как видно из данных табл. 2, основным различием между двумя теориями является

акторный дискурс, то есть спор о том, чем руководствуются страны ЕС при принятии внешнеполитических решений, а также при формировании позиции по тому или иному вопросу — общеевропейскими интересами или собственным взглядом на проблему. Для ответа предлагается рассмотреть кейс позиции Германии по греко-турецкому спору сквозь призму двух теорий.

Таблица 2

Сравнительный анализ ключевых постулатов интергouverнментализма и неофункционализма

Критерий	Неофункционализм	Интергouverнментализм
Корни теории	Демократический плюрализм, функционализм	Либеральный институционализм и другие интеграционные теории
Основной актор	Наднациональные институты	Национальные государства, принимающие участие в интеграции
Отношение к государству	Концептуализация государства как арены, на которой общественные субъекты действуют для реализации общих интересов	Государства добровольно вступают в союзы, формируя взаимозависимость, однако сохраняют национальный интерес и суверенитет
Международная система	Добровольное взаимодействие субъектов для достижения взаимовыгодных условий интеграции	Международное сотрудничество как продукт национальных предпочтений либеральных демократий с учетом своих интересов
Отношение к интеграции	Посредством поступательной интеграции (от экономической к политической сферам) возможно достичь серьезных успехов на всех уровнях, в том числе консолидировать усилия в вопросах безопасности	Возможно добиться консолидации усилий исключительно в базовых вопросах, например экономических; в политике и безопасности добиться успехов невозможно, так как это затрагивает национальные интересы

Источник: составлено автором по материалам статей (Hooghe & Marks, 2009; Hooghe et al., 2019; Haas 2004).

Table 2

Comparative analysis of the key postulates of intergovernmentalism and neofunctionalism

Criteria	Neofunctionalism	Intergovernmental theory
Basic principles	Democratic pluralism, functionalism	Liberal institutionalism and other integration theories
Main actor	Supranational institutions	National States participating in integration
The state	Conceptualization of the state as an arena in which public actors act to realize common interests	States voluntarily enter into alliances, forming interdependence, but retain national interest and sovereignty
International system	Voluntary interaction of subjects to achieve mutually beneficial integration conditions	International cooperation as a product of national preferences of Liberal democracies, taking into account their interests
Integration process	Through progressive integration (from the economic to the political spheres), to achieve serious success at all levels, including consolidating efforts in security issues	Consolidation of efforts only in basic issues, for example, economic, political and security, it is impossible to achieve success, because it affects national interests

Source: compiled by the author based on the materials of the articles (Hooghe & Marks, 2009; Hooghe et al., 2019; Haas 2004).

Позиция Германии по греко-турецкому спору: внешнее и внутреннее измерения

Для достижения поставленной цели, а именно выявления позиции Германии по греко-турецкому спору в Эгейском море и

соотнесения с двумя теориями, необходимо рассмотреть два основных измерения: внешнее и внутреннее.

Под внешним измерением понимается влияние ЕС на разрешение конфликта между Турцией и Грецией при посредничестве

институтов ЕС, соблюдении норм европейского права (Stemona & Micklit, 2016, p. 174). Согласно неофункционалистской теории, Германия должна придерживаться основной позиции Европейского союза по греко-турецкому спору с превалярованием над национальным интересом страны по данному вопросу.

Исследователи предполагают, что позиция ЕС по разрешению спора между Грецией и Турцией стала формироваться только после 1999 г. Российские специалисты по греко-турецкому спору связывают это с саммитом ЕС в Хельсинки, когда греческое правительство поддержало инициативу Турции начать процесс европейской интеграции (Атрашкевич, 2019, с. 677). До этого периода политика ЕС характеризовалась в основном попытками принудить Турцию пойти на уступки Греции взамен на новые послабления по вступлению в организацию (Rumelili, 2004, p. 8). Такую тактику условно назвали политикой «кнута и пряника». Однако она оказалась нежизнеспособной и не привела к решению конфликта. Причина этого кроется в том, что решение о принятии или отказе в принятии Турции и Греции в ЕС принималось в тот момент, когда Европейское сообщество было довольно консервативно в отношении своей потенциальной роли в урегулировании конфликтов. ЕС предпочел игнорировать споры между государствами-членами по национальным вопросам (Stephanou & Tsardanides, 1991, p. 211). Когда организация действительно почувствовала потенциал для решения вопросов безопасности, Греция уже была ее членом. Она использовала сближение с европейскими странами как рычаг давления на Турцию в споре. С этим согласны не только немецкие и французские, но и греческие исследователи (Couloumbis, 1994, p. 192).

Здесь возникает вопрос о том, что ЕС может предложить для решения конфликта. Первое — это сила норм европейского права, второе — особый тип адаптации стран в системе ЕС. Выработывая собственные нормы, ценности и принципы, ЕС стремился экспортировать свою систему на те страны, которые могли им соответствовать. Приняв Грецию в

свой состав и увязав согласие на принятие Турции с разрешением спора в Эгейском море (Rumelili, 2004, p. 9), ЕС обозначил свою позицию по этому конфликту. Турция даже пошла на определенные уступки по внедрению норм европейского права в свою национальную правовую систему — с 2001 по 2004 г. были приняты различные пакеты политических реформ для выполнения копенгагенских политических критериев, которые привели к углублению процесса европеизации Турции (Вас, 2005, p. 30). Следует отметить, что именно на этот период (2002—2004 гг.) пришелся прогресс по вопросу урегулирования греко-турецкого спора в Эгейском море.

Следовательно, можно говорить о том, что между потенциальной возможностью вступления Турции в ЕС и урегулированием ее спора с Грецией по шельфу и территориальным водам есть прямая взаимозависимость. Однако данного факта оказалось недостаточно для того, чтобы ЕС иначе посмотрел на возможность турецкого членства в организации.

ЕС регулярно демонстрирует свою про-греческую позицию. Так, например, в 2019 г. турецкие буровые суда «Фатих» и «Явуз» начали работать на континентальном шельфе в Восточном Средиземноморье, утверждая, что это турецкая зона. Европейский Совет назвал поведение турецких судов «незаконным бурением» и подготовил проект перечня санкций⁴. В середине августа 2020 г. турецкое научно-исследовательское судно «Орук Рейс» сопровождали два турецких военно-морских фрегата, когда оно отправилось в спорные воды к западу от о. Кипр для проведения буровых работ. Напряженность возросла, когда один из военных кораблей — фрегат «Кемаль Рейс» — столкнулся с греческим фрегатом «Лемнос» 12 августа 2020 г.⁵

⁴ Turkey's illegal drilling activities in the Eastern Mediterranean: Council adopts conclusions // European Council. July 15, 2019. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2019/10/14/council-conclusions-on-turkey-s-illegal-drilling-activities-in-the-eastern-mediterranean/> (accessed: 17.04.2021).

⁵ Turkish and Greek warships collide in eastern Mediterranean // The Independent. August 12, 2020. URL:

В качестве посредников для урегулирования нового витка напряженности между Грецией и Турцией выступили председатель Европейского Совета Шарль Мишель, а также канцлер Германии Ангела Меркель, не представлявшая на тот момент официальные структуры ЕС, а действовавшая в русле немецкой инициативы по предотвращению конфликта в регионе.

В октябре 2020 г. прошло заседание Европейского Совета в Брюсселе, где целый блок вопросов касался Восточного Средиземноморья. Европейский Совет подтвердил свою полную солидарность с Грецией и Кипром, суверенные права которых должны уважаться: «...Проведение добропорядочного диалога и воздержание от односторонних действий, которые противоречат интересам ЕС и нарушают международное право и суверенные права государств — членов ЕС, является абсолютным требованием в этом отношении. Все разногласия должны быть урегулированы посредством мирного диалога и в соответствии с международным правом»⁶.

Как видно из анализа внешнего измерения, ЕС не берет на себя техническую составляющую разрешения спора, но готов содействовать предотвращению эскалации.

Внутреннее измерение определяется собственной позицией Германии по данному территориальному спору. Основной вопрос заключается в том, совпадает ли она с официальной позицией ЕС.

Для начала следует отметить, что собственная национальная позиция Германии по греко-турецкому спору в Эгейском море формировалась под влиянием нескольких факторов. Во-первых, после окончания Второй мировой войны, а также объединения ГДР и ФРГ новое немецкое государство взяло курс на мирное разрешение любых конфликтов, чтобы повысить степень доверия со стороны международного сообщества. Во-вторых, исторически сложилось, что отношения

<https://www.independent.co.uk/news/world/europe/turkey-greece-war-mediterranean-erdogan-ships-collide-a9670416.html> (accessed: 17.04.2021).

⁶ Special European Council, 1—2 October 2020. Main results // European Council. October 2, 2020. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/european-council/2020/10/01-02/> (accessed: 17.04.2021).

Турции с Германией находятся на более высоком уровне, чем с другими странами ЕС.

Сообразно такому подходу Германия видит себя медиатором решения греко-турецкого спора, актором, который способствует отказу от силового решения проблемы. Причем с течением времени ставки постоянно повышались в силу того, что спор теперь идет не столько за группу островов в Эгейском море, сколько за право добывать природный газ в Восточном Средиземноморье⁷. И если Э. Макрон видит решение проблемы во введении экономических санкций против Турции, то А. Меркель ведет активный диалог с турецкой стороной, который дает положительные результаты. Так, в 2020 г. произошел очередной виток напряженности между сторонами из-за активности Турции по разведке природных ресурсов в спорном районе. Но по просьбе Германии президент Турции Р.Т. Эрдоган приостановил геологоразведочные работы⁸, что и снизило градус напряженности конфликта.

Такая политика Германии вызывает недоумение у Греции. По мнению греческих дипломатов, «у них с Германией совершенно разные взгляды на то, как надо вести себя с Турцией, так как последняя давно и навсегда отказалась от западных ценностей, а значит, надо оставить попытки умиротворения агрессора»⁹. Кроме того, министр обороны Греции и вовсе подозревает Германию в нежелании следовать внешнеполитическому курсу ЕС и посылать сигналы Турции о ее недопустимом поведении в регионе¹⁰. Такая позиция немецкой стороны объяснима наличием тесных экономических и инвестиционных связей с Турцией, а также большой турецкой диаспоры, проживающей на территории страны.

⁷ How Merkel Can Calm the Conflict Between Greece and Turkey // Bloomberg. September 7, 2020. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2020-09-07/merkel-can-calm-the-conflict-between-greece-and-turkey> (accessed: 17.04.2021).

⁸ Ibid.

⁹ Greece irked by Germany in standoff with Turkey. Athens wants more support from Berlin in Eastern Mediterranean // Politico. August 21, 2020. URL: <https://www.politico.eu/article/greece-irked-by-germany-in-standoff-with-turkey/> (accessed: 17.04.2021).

¹⁰ Ibid.

Германия является третьим по величине экспортером в мире после Китая и США с объемом экспорта около 1,3 трлн долл. США в год. В 2002—2018 гг. прямые инвестиции из Германии в Турцию составили 9,2 млрд долл. США. Кроме того, в Германии действует около 80 тыс. турецко-немецких предприятий с годовым оборотом около 52 млрд евро. В рамках турецких инициатив работают почти 500 тыс. человек в 50 различных секторах экономики¹¹. Вместе с тем в Турции находится более 7500 немецких компаний, и Германия хочет развивать экономические связи¹². Как видно из приведенных данных, наблюдается высокая степень взаимозависимости между Германией и Турцией в экономической сфере.

По последним данным, обнародованным правительством Германии, в стране проживает около 2 млн 800 тыс. человек турецкого происхождения¹³. Статистическое агентство Statistica подтверждает, что турецкая диаспора — самая многочисленная из этнических меньшинств, проживающих на территории Германии: на 2020 г. официально зафиксировано 1 461 910 иностранных турецких граждан¹⁴. Все это говорит о серьезном этническом лобби.

Турки активно получают гражданство Германии и крайне позитивно оценивают политику страны. Так, например, если в большинстве европейских стран, таких как Австрия или Франция, наблюдается высокий индекс дружелюбия представителей турецкой

диаспоры к левым и левоцентристским партиям, то в Германии, наоборот, консервативный лидер Христианско-демократического союза Германии (ХДС) А. Меркель получает наивысший индекс благоприятствования¹⁵. Интересно, что самый известный политик страны турецкого происхождения — представитель Партии зеленых Джем Оздемир — частый критик политики Турции в области прав человека и не пользуется популярностью среди турок, проживающих в Германии¹⁶. Поддержка со стороны турецкой диаспоры дает А. Меркель еще больше стимулов для выстраивания хороших отношений непосредственно с Турцией.

Таким образом, Берлин фактически становится плацдармом для переговоров между Грецией и Турцией. Наибольшей проблемой, которая на сегодняшний день мешает сторонам начать дипломатическое урегулирование, является недоверие, и именно Германия помогает преодолеть его.

Выводы

Сопоставляя позицию Германии по греко-турецкому спору в Эгейском море с двумя теориями, положенными в основу исследования, можно сделать следующие выводы.

Наблюдается заметный крен в сторону внутреннего измерения, то есть политика Германии в отношении Турции и Греции ориентирована скорее на собственные, национальные потребности, а не интересы институтов ЕС. Германия готова вносить посильный вклад в урегулирование спора, но, в отличие от ряда других европейских стран, открыто не критикует Турцию за провокации в Восточном Средиземноморье. Это в полной мере отвечает идее Э. Моравчика о скрытом игнорировании отдельных интересов

¹¹ New period in Turkish-German ties commences based on mutual interests // Daily Sabah. September 21, 2018. URL: <https://www.dailysabah.com/economy/2018/09/21/new-period-in-turkish-german-ties-commences-based-on-mutual-interests> (accessed: 17.04.2021).

¹² Turkey, Germany vow to boost economic ties // Anadolu Agency. September 21, 2018. URL: <https://www.aa.com.tr/en/economy/turkey-germany-vow-to-boost-economic-ties/1261429> (accessed: 17.04.2021).

¹³ Almanya'da 2,8 milyon Türkiye kökenli yaşıyor // Deutsche Welle. July 30, 2020. URL: <https://www.dw.com/tr/almanya-da-28-milyon-t%C3%BCrkiye-k%C3%B6kenli-ya%C5%9F%C4%B1yor/a-54385723> (accessed: 17.04.2021).

¹⁴ Number of foreigners in Germany from 2018 to 2020, by country of origin // Statista. September 30, 2020. URL: <https://www.statista.com/statistics/890277/foreigner-numbers-by-country-of-origin-germany> (accessed: 17.04.2021).

¹⁵ Hoffman M., Makovsky A., Werz M. The Turkish Diaspora in Europe. Integration, Migration, and Politics // Centre for American progress. December 10, 2020. URL: <https://www.americanprogress.org/issues/security/reports/2020/12/10/491951/turkish-diaspora-europe/> (accessed: 17.04.2021).

¹⁶ Cem Özdemir: “Erdogan wants to establish Turkey in Germany” // Deutsche Welle. July 19, 2017. URL: <https://www.dw.com/en/cem-ozdemir-erdogan-wants-to-establish-turkey-in-germany/a-39761625> (accessed: 17.04.2021).

интеграционных структур и сосредоточении на внутренних интересах для решения функциональных проблем (Moravcsik, 2018). По основному критерию, а именно акторной составляющей, позиция Германии приближена к интергouverнментализму.

По критерию, призванному прояснить отношение представителей двух теорий к функционированию международной системы, также можно считать доказанным приверженность Германии теории интергouverнментализма. Процесс принятия решения по поддержке/осуждению действий той или иной стороны принимается согласно установкам, описанным еще в самом начале формирования теории. Он разбивается на три этапа: внутреннее формирование национальных предпочтений (Германия отталкивается от интересов в отношениях с Турцией и Грецией); межправительственные переговоры (содействии двустороннему формату переговоров между сторонами для недопущения эскалации вооруженного конфликта); имплементация решений на европейский уровень (весомое влияние Германии на решения Европейского Совета) (Moravcsik, 1998).

На первом этапе государственные предпочтения формируются мощными политическими группами, прежде всего партиями, имеющими наибольший вес в Бундестаге, а также лоббистскими структурами. В этом контексте поддержка этническими турками, проживающими в Германии, правящей коалиции является примером успешного взаимодействия государственных и негосударственных акторов. На втором этапе

Германия пытается стать медиатором в разрешении уже существующего спора, предложить свои варианты решения проблемы и вынести их на общеевропейское обсуждение. Третий этап характеризуется тем, что решения, принимаемые Европейским Советом, отвечают не только и не столько интересам ЕС как интеграционного объединения, сколько отдельным странам, прежде всего Франции и Германии (Bergman, 2018, pp. 1267—1268).

Последний критерий — интеграционный вопрос — на теоретическом уровне не вызывает таких острых дискуссий. Представители обеих теорий сходятся во мнении, что процесс интеграции был закономерным шагом для большинства европейских стран. Однако различаются подходы к уровню интеграции: неофункционалисты считают достижимой интеграцию в политической области и сфере безопасности, в то время как интергouverнменталисты ограничивают интеграцию экономической областью. В рамках данного исследования выявлено, что Германия при принятии решения по вопросу обеспечения безопасности в Эгейском море (проблема регулярных провокаций со стороны Турции) не руководствуется какой-то одной из рассматриваемых теорий. Она вносит посильный вклад как на уровне ЕС, принимая участие в заседаниях Европейского Совета, так и на двусторонней основе, проводя личные переговоры с Р.Т. Эрдоганом. Однако эффективность этого вклада разная. При прямом контакте с турецкой стороной удастся добиваться гораздо больших результатов, чем при посредничестве ЕС.

Поступила в редакцию / Received: 12.05.2021
Принята к публикации / Accepted: 10.06.2021

Библиографический список / References

- Атрашкевич А.Н. Турция и Греция: политические и экономические отношения в конфликтных условиях (1999—2017 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 675—689. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-675-689 [Atrashkevich, A. N. (2019). Turkey and Greece: Political and economic relations within the conflict circumstances (1999—2017). *Vestnik RUDN. International Relations*, 19(4), 675—689. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-4-675-689>]
- Пименова О.И. Правовая интеграция в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе: сравнительный анализ // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 1. С. 76—93. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-01-05 [Pimenova, O. (2019). Legal integration in the European Union and the Eurasian Economic Union: Comparative analysis. *International Organisations Research Journal*, 14(1), 76—93. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-01-05>]

- Avar, Y., & Lin, Y. C. (2019). Aegean disputes between Turkey and Greece: Turkish and Greek claims and motivations in the framework of legal and political perspectives. *International Journal of Politics and Security*, 1(1), 57—70.
- Bac, M. (2005). Turkey's political reforms and the impact of the European Union. *South European Society and Politics*, 10(1), 17—31. <https://doi.org/10.1080/13608740500037916>
- Beach, D., & Pedersen, R. B. (2019). *Process-tracing methods: Foundations and guidelines*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Bergman, J. (2018). Neofunctionalism and EU external policy integration: The case of capacity building in support of security and development (CBSD). *Journal of European Public Policy*, 26(9), 1253—1272. <https://doi.org/10.1080/13501763.2018.1526204>
- Couloumbis, T. (1994). Introduction: The impact of EC membership on Greece's foreign policy profile. In P. Kazakos & P. Ioakimidis (Eds.), *Greece and EC membership evaluated* (pp.189—198). London: Pinter Publishers.
- Cremona, M., & Micklit, H.-W. (2016). *Private law in the external relations of the EU*. Oxford: Oxford University Press.
- Gonenc, D., & Durmaz, G. (2020). The politics of neoliberal transformation on the periphery: A critical comparison of Greece and Turkey. *Southeast European and Black Sea Studies*, 20(4), 617—640. <https://doi.org/10.1080/14683857.2020.1843284>
- Haas, E. (1961). International integration: The European and the universal process. *International Organization*, 15(3), 366—392.
- Haas, E. B. (1968). *The Uniting of Europe*. Stanford: Stanford University Press.
- Haas, E. B. (2004). *The Uniting of Europe: Political, social and economic forces, 1950—1957*. Stanford: Stanford University Press.
- Heraclides, A. (2010). *The Greek-Turkish conflict in the Aegean: Imagined enemies*. Palgrave Macmillan.
- Hooghe, L. & Marks, G. (2009). A postfunctionalist theory of european integration: From permissive consensus to constraining dissensus. *British Journal of Political Science*, 39(1), 1—4. <https://doi.org/10.1017/S0007123408000409>
- Hooghe, L., Lenz, T., & Marks, G. (2019). *A theory of international organization*. Oxford: Oxford University Press.
- Kaplan, L. S. (1994). *NATO and the United States. Updated edition. The enduring alliance*. New York: Twayne Publishers.
- Lindberg, L. (1963). *The Political dynamics of European integration*. Stanford: Stanford University Press.
- Middelaar, L. (2019). *Alarums and excursions: Improvising politics on the European stage*. Newcastle: Agenda Publishing.
- Moravcsik, A. (1998). *The choice for Europe*. Ithaca: Cornell.
- Moravcsik, A. (2018). Preferences, power and institutions in 21st-century Europe. *Journal of Common Market Studies*, 56(7), 1648—1674. <https://doi.org/10.1111/jcms.12804>
- Riddervold, M., & Rosén, G. (2016). Trick and treat: How the commission and the European Parliament exert influence in EU foreign and security policies. *Journal of European Integration*, 38(6), 687—702. <https://doi.org/10.1080/07036337.2016.1178737>
- Rumelili, B. (2004). The European Union's impact on the Greek-Turkish conflict. *Working Papers Series in EU Border Conflicts Studies*. Bogazici University, University of Birmingham.
- Schmidt, V. (2019). Politicization in the EU: Between national politics and EU political dynamics. *Journal of European Public Policy*, 26(7), 1018—1036. <https://doi.org/10.1080/13501763.2019.1619189>
- Stephanou, C., & Tsardanides, C. (1991). The EC factor in the Greece — Turkey — Cyprus Triangle. In D. Constan (Ed.), *The Greek-Turkish conflict in the 1990s: Domestic and external influences* (pp. 207—230). New York: St. Martin's Press.
- Tranholm-Mikkelsen, J. (1991). Neo-functionalism: Obstinate or obsolete? *Millenium*, 20(1), 1—22. <https://doi.org/10.1177/03058298910200010201>
- Yildiz, E. (2020). The Conflict between Greece and Turkey Mediterranean sea (international maritime law study). *Jurnal Hukum*, 36(2), 126—137. <https://doi.org/10.26532/jh.v36i2.11393>

Сведения об авторе: *Ивкина Наталья Викторовна* — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0001-8654-7629; e-mail: ivkina-nv@rudn.ru

About the author: *Ivkina Natalia Viktorovna* — PhD in History, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; ORCID: 0000-0001-8654-7629; e-mail: ivkina-nv@rudn.ru